

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

**ДРАЙВЕРЫ КОГНИТИВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ
В АНТРОПОГЕНЕЗЕ: ПРИСПОСОБЛЕНИЕ
ИЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ?**

Н.С. РОЗОВ

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

Культурно-исторический подход Выготского–Лурии применяется для реконструкции основных этапов развития членораздельной речи, языка и сознания в антропогенезе. Поскольку в основе подхода лежат идеи интериоризации накопленного в культуре опыта через межсубъектные взаимодействия, обновление социальных порядков трактуется как главный драйвер когнитивной эволюции. Для исследования этих механизмов к концепции Выготского–Лурии, расширенной за счет понятий интерактивного ритуала (Р. Коллинз), установок (Д.Н. Узнадзе), подкреплений (Б. Скиннер) и культурных образцов (А. Кребер), конструирования ниш (К. Лаланд), коэволюции забот и структур, добавляются модели функциональной причинности (А. Стинчкомб), вызова-ответа (А. Тойнби). Также используется понятие «эволюционная зона ближайшего развития» (Г.Г. Филиппова), построенное по аналогии с классическим концептом «зона ближайшего развития».

На этой основе, а также с учетом ступеней развития понятий в онтогенезе по Выготскому, результатов реконструкции глоттогенеза в современных исследованиях, сформулированы правила и уточнены этапы роста языковой сложности: от отдельных холофраз – к сложным синтаксису и грамматике. Особое внимание уделено механизму превращения протослов в полноценные слова. Намечен ряд способностей сознания, которые появлялись в тесном сопряжении с ростом языковой сложности. Обсуждается соотношение адаптивного поведения, направленного на восстановление гомеостаза, и «надситуативной активности», преадаптации к неопределенности» (В.А. Петровский, А.Г. Асмолов и другие) как источника социальных, культурных, языковых новшеств. Показано, что сочетание концептов множественности установок («гетерархии»), интерактивных ритуалов, внешних и внутренних конфликтов, вызовов и ответов, рефрейминга и поисковой активности позволяет вполне рационально описать природу «надситуативной активности». При этом не отвергаются, а дополняются и уточняются общие функционалистские и эволюционистские принципы складывания, приспособления структур (в том числе языка и сознания) для ответов на вызовы и для обеспечения забот (коммуникативных, познавательных, экзистенциальных и др.).

Ключевые слова: культурно-исторический подход, Выготский, Лурия, интериоризация, глоттогенез, происхождение языка, палеопсихология, интерактивный ритуал, социальные взаимодействия, коммуникативные заботы, знаковые структуры, протослова, протоязык, надситуативная активность, коэволюция забот и структур.

**ЗАБОТЫ, ИЗДЕРЖКИ
И НАПРЯЖЕНИЯ – ДРАЙВЕРЫ ИЗМЕНЕНИЙ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК**

В нашей предыдущей статье (Розов, 2022) были показаны возможности реконструкции механизмов «языкового Рубикона» – прорыва от знаковой системы коммуникации животных к членораздель-

ной осмысленной речи. Если причинами внутренних психических установок и способностей являются социальные взаимодействия, то каковы причины изменения их самих? На такого рода вопросы обычно отвечают социология, экономическая наука, политология, но нас интересуют крупные эволюционные изменения в эпоху антропогенеза, поэтому стандартными

ответами не обойтись. Подход Выготского—Лурии известен своим вниманием не только к структурному, но также к функциональному и генетическому аспектам на высоких уровнях общности. Двигаясь в этом русле, берем на вооружение абстрактную схему функциональной причинности А. Стинчкомба.

Для того чтобы некая переменная, или объективная *забота* (безопасность, сытость близких, поддержание огня, достаточность орудий и их качество, дружелюбие, мирное разрешение конфликтов, послушание младших и т.п.) удерживала приемлемые значения, ее обеспечивает некая *структура*, например, принятая социальная практика, система правил, институт, способности индивидов.

На гомеостатическую переменную негативно действуют *напряжения* — как внешние, так и внутренние. Активность структуры ведет к *издержкам* в широком смысле, что порождает новые напряжения, новые заботы, требующие новых обеспечивающих структур (Stinchcombe, 1987, p. 136; Розов, 2010).

Первоначально заботы проявляются как вызовы (Тойнби, 1991), среди которых полезно выделять наряду с *вызовами-угрозами* также *вызовы-возможности*, сулящие заманчивые перспективы, прежде всего для базовых забот (пропитание, статус, безопасность, сексуальность, родительство, доступ к благам и ресурсам), а затем и всех надстроечных.

Оставим пока за скобками внешние природные и техноприродные напряжения, связанные с обновлением и конструированием гоминидами ниш материального жизнеобеспечения (Odling-Smee, Laland., Feldman, 2003). Они крайне важны, но их влияние на развитие языка и сознания всегда опосредствуется практиками взаимодействий, образующими *социальные ниши, или порядки*.

В процессе сотрудничества, в ходе конфликтов и их разрешения, при осуществле-

нии разных типов общения все большую значимость обретали *коммуникативные вызовы, забота* о взаимопонимании и достижении согласия для координации действий. Наряду с групповыми заботами были (и остаются весьма важными по сию пору) индивидуальные потребности передавать психологические состояния, смыслы (тревоги, желания, чувства, позже — мысли), а также убеждать, советоваться, мобилизовать на коллективные действия, демонстрировать свои достоинства, жаловаться на обидчиков, взывать к помощи, просить поддержки и т.д.

В этих понятиях происхождение, развитие речи языка предстают как *коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур*.

ЗОНА БЛИЖАЙШЕГО ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И СТУПЕНИ ГЛОТТОГЕНЕЗА

«Зона ближайшего развития (ЗБР)» — важное понятие в психологии Л.С. Выготского, означающее расхождение между уровнем актуального развития ребенка и уровнем его потенциального развития, достигаемого при решении задач в сотрудничестве со взрослым или сверстниками. Таким образом, ЗБР успешно осваивается также посредством интериоризации и, добавим, через *интерактивные ритуалы с положительно подкрепленным усвоением установок и способностей как микросоциальным механизмом трансляции культурных образцов* (Collins, 2004; Розов, 2022).

Когнитивная эволюция в антропогенезе, включавшая происхождение и развитие языка, не могла быть разовым «скачком», она проходила ступенчато, когда подъем на каждую новую ступень становился возможным только при достижении предыдущей. По аналогии с ЗБР нами предложено понятие «зона ближайшего эволюционного развития (ЗБЭР)». По аналогии с ЗБР Г.Г. Филиппова (2014) сформулировала понятие «эволюционная зона ближайшего

развития», которым мы и будем пользоваться (далее ЭЗБР).

В аспекте глоттогенеза каждая актуальная ступень включала уже используемые языковые различия и структуры, речевые задатки и способности индивидов, черты социальных взаимодействий и коммуникативных практик, которые являлись потенциальными *ингредиентами* для появления новых структур, новых задатков и способностей, новых практик общения. Область возможностей модификации и сочетания этих потенциальных ингредиентов и составляла каждую ЭЗБР.

Продвигаясь в освоении ЗБР в онтогенезе, ребенок обучается родному языку всего за несколько лет. В когнитивной эволюции как филогенезе языка и сознания не было тех взрослых, которые могли бы передать уже готовые культурные образцы. Поэтому продвижение по ЭЗБР как по ступеням языковой сложности — *глотто-ароморфозы* — по распространенным в последние годы оценкам заняло многие сотни тысяч лет, пусть и с большим ускорением, начиная с эпохи прото-сапиенсов и сапиенсов, т.е. примерно от 250 тыс. лет назад.

На основе принципа ЭЗБР и с учетом наиболее правдоподобных реконструкций глоттогенеза (Donald, 1998; Бикертон, 2012; Gabora, Smith, 2018) сформулируем следующие правила:

- *конструкции сложного синтаксиса*, будучи структурами-свертками, включающими в качестве ингредиентов схемы простых синтаксиса и грамматики¹, могут появиться (регулярно произноситься и адекватно, надежно распознаваться, пониматься), только когда последние уже имеются и используются;

- *конструкции простых синтаксиса и грамматики*, будучи структурами-свертками, управляющими сочетаниями (цепочками) слов, могут появиться, только когда такие сочетания с простым порядком и целостным смыслом уже практикуются в речи;

- сочетания слов с простым порядком, целостным смыслом, или *пиджин-предложения*, и сами полноценные слова могут появиться, только когда уже практикуются *уводящие протофразы*, относящиеся к отдаленным, прошлым или будущим ситуациям и тем самым «уводящие» сознание слушателей из наличной ситуации здесь и-сейчас;

- *уводящие протофразы* со смыслом описания ситуаций в другом месте и времени могут появиться, только когда уже используются реактивные протофразы;

- *реактивные протофразы* как цепочки протослов, расставленных без особого порядка, но с общим синкретичным смыслом, передающим происходящее «здесь и сейчас», могут появиться, когда уже есть практика произнесения отдельных протослов;

- *отдельные протослова*, или *холофразы*, как склейки слогов или фонем с направленностью на передачу целостного ситуативного смысла могут появиться только в результате особых коммуникативных взаимодействий, особенно практик звукоподражания и дружной «хоровой» вокализации;

- эти практики могли появиться лишь при определенных *социальных условиях* совместной интенциональности, мотивации к донесению коллективных требований, одобрения и неодобрения в действиях *групповой самодрессуры*, а затем *нормативных ритуалов* (см. детальнее: Розов, 2022).

Представим на условной схеме соответствующие ступени появления речи и повышения языковой сложности (рис.).

Ступени имеют своим началом «языковой Рубикон» (прорыв от знаковой коммуникации животных к членораздельной речи), а завершаются «праязыковым разрывом», или «белым пятном»,

¹ Здесь и далее термин «грамматика» будем использовать не в широком значении, включающем синтаксис, а в узком — как совокупность образцов и правил изменения словоформ (предмет морфологии в языкознании).

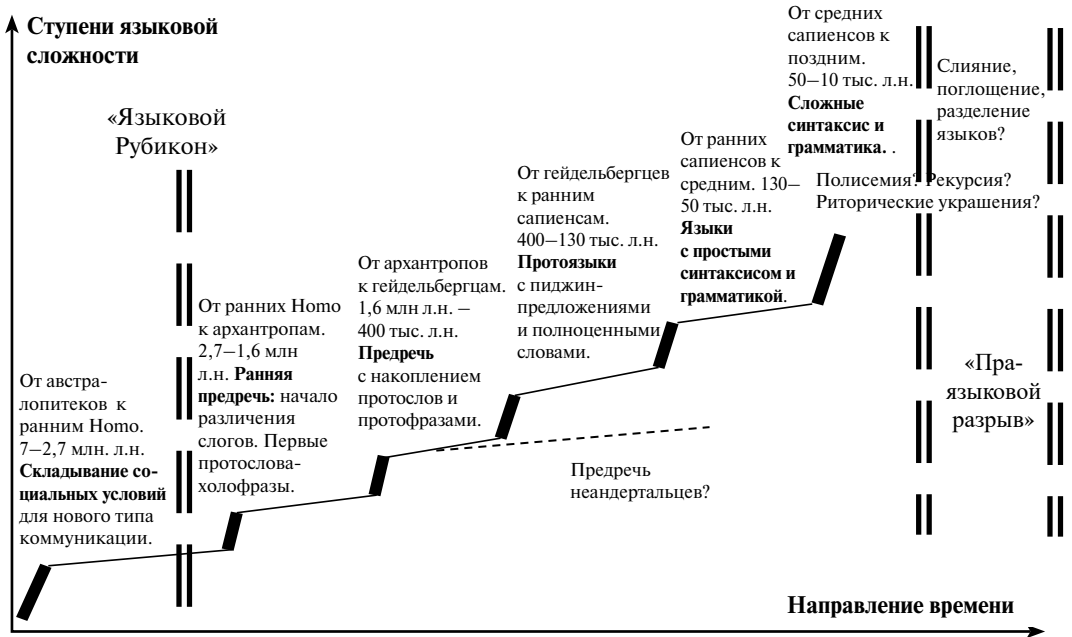

Рис. Условная схема ступеней развития членораздельной речи

Жирные отрезки с крутым наклоном означают относительно глотто-ароморфозы, или краткие формативные периоды (складывание новых типов языковых структур), тонкие пологие отрезки — ступени языковой сложности, или кумулятивные периоды (сокращения: л.н. — лет назад)

отделяющим глоттогенез от начала известной истории современных языков с реконструкциями их предшественников («индоевропейского», «ностратического» и т.п.). Этот разрыв хоть и наиболее близок к нам хронологически, но является самым темным, а главное, не получает должного исследовательского внимания.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Л.С. Выготский так определяет начальную стадию развития слова в онтогенезе: «Значением слова на этой стадии развития является не определенное до конца, неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в представлении и восприятии ребенка в один слитный образ» (Выготский, 2005, с. 793). Слово в своем полном развитии предстает как средство произвольного направления внимания, абстрагирования свойств и

синтеза их в значение, оно становится орудием произвольного контроля собственных психологических операций в воображении, «удваивающим опыт» (Там же, с. 14).

Вряд ли следует пытаться механически переносить ступени развития значений по Выготскому (синкрет, комплекс, псевдопонятие, понятие) на ступени развития слов и их значений в глоттогенезе. Гораздо важнее отметить общий тренд трансформации протослов в полноценные слова: от синкретичности, реактивности *протослова*, его привязанности к ситуациям «здесь и сейчас», расплывчатости границ значения, «сопричастности», эмоциональной реактивности в произнесении — к автономности *слова* от конкретных ситуаций, соответствующей абстрактности и большей строгости его значений, их семантической связанности со множеством других значений, с произвольностью использования. Такая направленность эволюции выглядит вполне правдоподобной,

но теоретическая задача состоит в выявлении причинных условий и драйверов этой трансформации, значимость которой не только для языка, но также для сознания, мышления, всей человеческой культуры вряд ли стоит пояснять. Подсказку дает совмещение семантической связанности значений слов, произвольность их употребления и автономность от наличной ситуации. Протослова становятся словами в *тесном сопряжении с развитием уводящих протофраз, пиджин-предложений*² и синтаксиса, поскольку все эти три стадии развития составных высказываний обеспечивали заботы все более точного, однозначного описания отдаленных событий, ситуаций.

СИНТАКСИС И ЛОГИКА: ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ И ФИЛОГЕНЕЗЕ

Что касается перехода к пиджин-предложениям с определенным порядком (прото)слов, а затем к синтаксису, следует обратить внимание на следующую цитату: «В области развития... овладение грамматическими структурами и формами идет у ребенка впереди овладения логическими структурами и операциями, соответствующими данным формам» (Там же, с. 765).

Скорее всего, в глоттогенезе (как филогенезе речи и языка) последовательность была обратной. Действительно, откуда было взяться синтаксическим формам, обозначающим логические структуры? Ведь никаких «взрослых» с этими уже готовыми, культурно транслированными, языковыми образцами для гоминид не было. Синтаксис рождался с трудом, вероятно, в напряженных коммуникациях с переспрашиванием.

Вся эта непростая работа могла выполняться только при наличии сильной совместной мотивации обеспечить некую

значимую заботу. Последняя же состояла как раз в понимании соотнесенности событий, лиц, вещей, их причинных, предметных и иных связей. Сами логические и понятийные структуры формировались благодаря складыванию синтаксических конструкций языка. Именно заботы мысли, понимания происходящего двигали эволюцию синтаксиса. Когда языковые структуры были сформированы, они уже транслировались в поколениях, дети стали рано и легко их осваивать наряду с другими элементами языка.

ФИЛОГЕНЕЗ СОЗНАНИЯ КАК НАКОПЛЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

В подходе Выготского—Лурии потенциально богатой является мысль о том, что знаки как особые орудия направлены сначала на преобразование других людей, а затем на управление собственным поведением. Полезно также представление об «удвоении опыта» в сознании. Согласно принципу интериоризации каждый раз общая *групповая* способность, обретаемая в непосредственном общении, предшествует *индивидуальной* способности, а *реактивная* способность сознания, вызванная ситуацией или групповым поведением, общением, предшествует *произвольной* способности к внутренним ментальным операциям. Наиболее поздними (как, впрочем, и редкими) являются способности индивидов произвольно производить действия в своем сознании, т.е. целенаправленно размышлять в одиночестве (Выготский, 2005; Ревонсуо, 2013; Donald, 1998; Fessler, 2007; Gabora, Smith, 2018).

С учетом этих идей и соображений наметим следующую последовательность обретения гоминидами (на поздних ступенях — уже сапиенсами) самых первых способностей сознания, обозначенных в нашей предыдущей статье (Розов, 2022):

- способность фокусировать внимание на объектах наличной ситуации, обозначать

² Пиджин — язык с радикально упрощенной грамматикой и сокращенным словарем

и распознавать по приписанным знакам действия и предметы, различать активных субъектов действия и их объектов, включать их в разные контексты практической деятельности или обсуждения;

- способность фокусировать внимание на отдаленных во времени и/или пространстве объектах и ситуациях; связывать между собой объекты, события из разных ситуаций;

- способность распознавать (или мысленно устанавливая) связи и отношения между воспринимаемыми и/или мыслимыми объектами, включать их в различные знакомые контексты;

- способность применять к наличным, а потом и к любым другим ситуациям схемы причинности, целесообразности, предметных отношений, принадлежности, обмена и т.п.

- способность легко и быстро менять фокус внимания между ситуациями, между объектами, их частями, признаками, отношениями, связывать их между собой посредством различных обретенных ассоциативных, предметных, логических, магических или иных схем.

Суммируя эти идеи, получаем следующее определение. *Сознание (в своем полном развитии) — это целостное поле чувственных и смысловых представлений со способностями перемещать фокус внимания от предмета к предмету, учитывать происходящее в других местах и временах, ориентироваться в этом пространстве, перемещаться в смысловых контекстах, использовать ранее накопленные представления для распознавания и обдумывания происходящего, принятия решений и осуществления соответствующего поведения.*

АДАПТАЦИЯ И ГОМЕОСТАЗИС ИЛИ НАДСИТУАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО?

Изложенные представления выполнены во вполне традиционном для эволюционизма и функционализма ключе:

индивиды и группы приспосабливаются к среде, их поведение направлено на восстановление некоторого гомеостаза, что субъективно ощущается ими как комфорт. Эта парадигма подвергается критике с выдвижением и обоснованием альтернативных идей «свободы выбора», «надситуативной активности», «преадаптации к неопределенности», творческого выхода за рамки «диктатуры прошлого опыта» (см., например: Петровский, 2010; Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017). Данная коллизия имеет фундаментальное значение не только для психологии, но вообще для понимания природы и эволюции человеческого рода.

Приведем рассуждение, имея в виду проведенную нами эскизную реконструкцию происхождения языка и сознания. Вполне очевидно, что без творческих усилий гоминид, а затем сапиенсов, без их выхода за рамки унаследованных привычек, традиций произнесения звуков никогда не появились бы тысячи известных языков с удивительными разнообразием и сложностью фонетики, лексики, синтаксиса и грамматики, не говоря уж о тонкостях и богатстве семантики, мифологических и фольклорных смыслов.

Означает ли это, что идею коэволюции коммуникативных забот и знаковых структур следует отбросить, поскольку она основана на функционалистской модели А. Стинчкомба, в которой во главу угла поставлено восстановление гомеостаза? Не проводится ли в этих концепциях тот самый, нуждающийся в преодолении, «принцип сообразности» (Петровский, 2010)?

Примем также во внимание весьма суровый факт долгой эпохи антропогенеза (продолжавшейся 7–8 млн лет): кроме выживших сапиенсов все остальные «боковые ветви» гоминид, начиная с австралопитеков и кончая денисовцами, неандертальцами, погибли. Вряд ли кто-то будет утверждать, что представители этих видов обладали столь же развитыми языками (а значит и сознанием), как сред-

ние или поздние сапиенсы, переходящие к мезолиту и неолиту. Уровень способностей к выживанию прямо соотносится с уровнем когнитивной эволюции, но в основе каждого как раз и находится достигнутая степень развития языка и способностей сознания (см. рис.).

Макроэффекты множественных актов творческой свободы, надситуативной активности, выхода за рамки привычек и традиций приводили к складыванию структур, которые обеспечивали кардинальные заботы выживания групп. Ведь только популяции таких групп сапиенсов и протосапиенсов выжили (вероятно, вытеснив в голодные края или даже истребив конкурентов).

Получается, что функционалистскую модель коэволюции забот и структур не следует «отбрасывать». К тому же она построена в прямом соответствии с формулой Н.А. Бернштейна «задача рождает орган» и правилом Дэвида Марра «предназначение определяет структуру», о которых вполне сочувственно пишут авторы идеи свободной и творческой «преадаптации к неопределенности» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, с. 6).

КАК РОЖДАЛИСЬ ЯЗЫКОВЫЕ НОВАЦИИ

Попробуем представить механизм развития, в рамках которого «творческая свобода» и «восстановление гомеостаза» (субъективно данного как комфорт, удовольствие, радость) с использованием наличных, традиционных средств не отрицали бы, а только дополняли друг друга. Здесь хорошим подспорьем служат общие идеи поисковой активности, «гетерархии», «многовершинности», разнообразия, случайности и комбинаторики, «вызова-выбора» или «вызова-ответа» по А. Тойнби, внешней и внутренней противоречивости, конфликтности (Петровский, 2010, с. 24–25, 78; Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, с. 8–19).

Все языковые структуры (от фонетических различий слогов до сложного рекурсивного синтаксиса) создавались не в каком-то отдельном пространстве макроэволюции, а во множественных каждодневных микроситуациях взаимодействия и общения. Будем иметь в виду именно групповое – публичное – общение, поскольку нас интересуют языковые новации, которые потом станут принятыми хотя бы в данной группе. Механизм именно такого процесса следует реконструировать, но с неременным учетом череды и психических следов подобных предыдущих процессов.

Зафиксируем, что данное действие представляло собой *интерактивный ритуал* (Collins, 2004; Розов, 2010), но не рутинный, гладкий, с повторениями давно всем известных формул, а напряженный, с сильными, выраженными эмоциями. Главным нервом этого действия было либо *непонимание*, либо *противоречивые высказанные версии происходящего* (позже – происходившего в другом времени и месте), что означало конфликт, отсутствие согласия. Как и во всяком полноценном ритуале, общее внимание было сфокусировано; в данном случае – на смысле высказываний, на обсуждаемой ситуации (что не различалось, поскольку способность к рефлексии – это весьма поздняя характеристика сознания).

Групповая коммуникативная забота понятна: достичь взаимопонимания, согласия; но были и индивидуальные заботы: каждый пытался убедить в своей версии, сделать общим достоянием, закрепить свою знаковую формулу (одиночную холофразу, цепочку протослов: протофразу, пиджин-предложение с упорядоченными словами или полновесную синтаксическую конструкцию). Далее происходили поиск и продуцирование высказываний – языковых структур, которые должны обеспечить ситуативные заботы. Этот процесс выглядит как череда высказываний со стороны участников ритуала, соединения

и переиначивания вокализаций с непременными поясняющими жестовыми указаниями, выразительными интонациями, мимикой, а то и элементами пантомимы.

По условиям задачи в результате происходила некая, пусть минимальная, языковая новация. Почему же она закрепились? Естественное и, кажется, бесспорное объяснение: произошло ее положительное подкрепление по Б. Скиннеру, когда заботы группы (или ее доминирующей коалиции, признанных лидеров) оказались обеспечены счастливо найденной, произнесенной и, конечно же, многократно повторенной участниками действия формулой. В ней воплотились и общее согласие, и радость достигнутого взаимопонимания, найденного адекватного обозначения, и удовольствие от солидарного дружного повторения речевой находки.

Именно благодаря ритуалам с таким счастливым исходом у участников формировались как *установки* готовности, настроя в будущем общении *использовать языковую новацию*, так и речевые способности *ее артикулировать и распознавать*.

Некоторые находки становились *волшебными палочками* — образцами удобного и уже понятного окружающим переиначивания всех подобных языковых элементов. Например, оказалось, что так можно различать и другие слоги, так можно соединять и другие протослова, так можно составлять и другие фразы и т.д. Получившие признание конкретные языковые новации и *волшебные палочки* как своеобразные «машинные речевые модификации» непременно начинали фигурировать в общении с детьми, которые быстро схватывали их благодаря своим универсальным речевым задаткам и всегдашней детской заботе вхождения в окружающее их языковое сообщество.

Далее действовал *многоуровневый отбор* (Boyd, Richerson, 2004):

- на лингвистическом уровне отбирались знаковые формы по легкости произнесения, кристаллизовались значения

по удобству использования в разных ситуациях;

- происходил *половой отбор*, где эротическую привлекательность получали гладко, красиво, убедительно говорившие;

- продолжался суровый *групповой отбор*, где выживали, доминировали, росли, почковались группы с большей адаптивной гибкостью, координированностью действий, напористостью, что соответствовало достигнутому уровню внутренней коммуникации, а значит, сложности и эффективности языковых средств.

Где же тут место славным надситуативной активности, выходу за рамки привычного, преадаптации к неопределенности, свободному творческому бунту, опрокидывающему скучные догмы про «сообразность», «приспособление к среде» и «восстановление гомеостаза» (Петровский, 2010; Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017)?

НАДСИТУАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ И ВНУТРЕННИЕ ЗАБОТЫ

В случаях речевого творчества как раз неординарность, напряженность, коммуникативные вызовы или даже конфликтность ситуаций приводили к поиску и совместному «мозговому (речевому) штурму».

Если мы расширяем контекст до социально значимых поступков, то причинность смещается от наличной ситуации к внутренним установкам, хотя базовая концепция не рушится, а только обогащается. Действительно, любая надситуативная активность имеет своей главной причиной те же установки, но только *сложившиеся ранее в других особо внушительных ритуалах*. Эти установки прочно закрепились и даже стали собственными внутренними заботами, голос которых обычно трактуется как «совесть», «моральный долг», «на том стою и не могу иначе». Обеспечить эти заботы («чтобы не предать веру», «чтобы себя уважать», «чтобы остаться и чувствовать себя

свободным») нередко оказывается нужнее и важнее, чем послушно следовать «колее» программируемого ситуацией поведения. Такого рода установки способны сами обеспечивать положительное подкрепление, рождая чувства гордости, самоуважения – той самой «моральной силы» по Э. Дюркгейму.

На уровне эволюции нестандартное поведение индивида в социальном взаимодействии, в орудийной деятельности или в природном окружении подхватывалось соплеменниками, если отвечало каким-либо их заботам. При этом могло происходить как лучшее приспособление к среде, так и приспособление среды к своим нуждам. На самом деле граница здесь достаточно условна. Например, изготовление одежды для жизни в климате с холодными зимами представляется приспособлением к среде, а постройка жилищ – преобразованием ее. Однако новые поколения входят в жизнь, где люди уже одеваются, иными словами, тут также имеет место *конструирование ниш* – популярный и перспективный концепт в современной теории эволюции (Odling-Smee, Laland, Feldman, 2003; Laland, 2017). Таким же образом множественные выходы за привычные навыки коммуникации, будучи подхвачены окружающими и превращаясь в новые, передающиеся в поколения языковые образцы, создавали и надстраивали особые ниши речевого общения (Бикертон, 2012).

ПРЕАДАПТАЦИЯ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛОЧКИ

Первое, что здесь необходимо учесть: ни одна новая структура (установка, действие, способность, практика) не является универсальной панацеей от любых будущих неожиданностей, неприятностей, которыми изобилует «неопределенность».

Второе: разнообразие находки, новации (когнитивные «преадаптации») могли появляться и как *сообразное требованиям*

ситуации поведение, направленное на обеспечение вполне актуальных жизненных забот, и как *результаты надситуативной активности*, управляемой полученными в прошлых ритуалах установками (см. выше).

Третье: некоторые находки в антропогенезе обнаруживают весьма широкую применимость, используются для постановки и решения задач, которых и в помине не могло быть при появлении этих эволюционных достижений. Таковы *волшебные палочки*, и для наиболее крупных из них: языка и речевого общения, материальных технологий, сознания, мышления, философского и научного познания, искусства – вообще не видно границ приложения.

По всем признакам, «преадаптации к неопределенности» следует отождествить с *волшебными палочками* – обеспечивающими структурами, особенно гибкими для модификаций и потенциально богатыми для применения, т.е. гиперполифункциональными (Розов, 2022).

Само осознание значения неопределенности за пределами физики микрочастиц и важности подготовки к ней – это весьма позднее интеллектуальное достижение (вторая половина XX в.). До этой эпохи к неопределенности никто не мог готовиться сознательно, и весьма затруднительно доказать, что к ней кто-либо готовился неосознанно. Люди решали свои актуальные жизненные задачи, привлекая любые доступные средства, кажущиеся им перспективными, а некоторые упрямцы следовали своим установкам «вопреки среде», получая шанс стать культурными героями в религиозной вере, философии, науке, искусстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика все еще экзотической (пока что академически не легитимированной) *палеопсихологии* представляется неотъемлемой частью широкой программы изучения *эволюционной психодинамики*

(Асмолов, Чехтер, Черноризов, 2017). Расширение культурно-исторического подхода Выготского—Лурии путем синтеза их идей с концептами интерактивных ритуалов, установок, подкреплений, конструирования ниш и складывания социальных порядков, коэволюции забот и структур обнаружило значимый эвристический потенциал, что открывает увлекательные перспективы психологических и междисциплинарных исследований.

1. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопр. психол.* 2017. № 4. С. 3–26.
2. *Бикертон Д.* Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей / Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2012.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
4. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
5. *Ревонсуо А.* Психология сознания / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013.
6. *Розов Н.С.* Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // *Ценности и смыслы.* 2010. № 1 (18). С. 50–67.
7. *Розов Н.С.* Развитие идей Л.С. Выготского и А.Р. Лурии относительно понимания истоков языка и сознания // *Вопр. психол.* 2022. № 2. С. 3–12.
8. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
9. *Филиппова Г.Г.* Эволюционная зона ближайшего развития с позиции дифференционно-интеграционного подхода // *Дифференционно-интеграционная теория развития.* Кн. 2. / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 327–342.
10. *Boyd R., Richerson P.* Not by genes alone: How culture transformed human evolution. Chicago: Chicago Univ. Press, 2004.
11. *Collins R.* Interaction rituals chains. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004.
12. *Donald M.* Hominid enculturation and cognitive evolution // *Renfrew C., Scarre C.* (eds). *Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage* / Cambridge: McDonald Institute, 1998. P. 7–17.
13. *Fessler D.M.T.* From appeasement to conformity: Evolutionary and cultural perspectives on shame, competition, and cooperation // *Tracy J. L., Robins R.W., Tangney J.P.* (eds). *The self-conscious emotions: Theory and research.* N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 174–193.
14. *Gabora L., Smith C.M.* Two cognitive transitions underlying the capacity for cultural evolution // *J. Anthropol. Sci.* 2018. V. 96. P. 1–26.
15. *Laland K.N.* Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind. Princeton: Princeton Univ. Press, 2017.
16. *Odling-Smee F. J., Laland K. N., Feldman M. W.* Niche construction: The neglected process in evolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.
17. *Stinchcombe A.* Constructing social theories. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.

References in Russian:

1. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции [Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции] // *Вопросы психологии.* 2017. N 4. S. 3–26.
2. *Bickerton D.* Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej [Adam's Tongue: How Humans Made Language, How Language Made Humans] / Per. s angl. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012.
3. *Vygotsky L.S.* Psikhologiya razvitiya cheloveka. M.: Smysl; Eksmo, 2005.
4. *Petrovsky V.A.* Chelovek nad situatsiej. M.: Smysl, 2010.
5. *Revonsuo A.* Psikhologiya soznaniya / Per. s angl. SPb.: Piter, 2013.
6. *Rozov N.S.* Ritualy, instituty i resursy: sotsial'nye osnovy transformatsii mentaliteta // *Tsennosti i smysly.* 2010. N 1 (18). S. 50–67.
7. *Rozov N.S.* Razvitie idej L.S. Vygotskogo i A.R. Lurii odnositel'no ponimaniya istokov yazyka i soznaniya [The development of the ideas of L.S. Vygotsky and A.R. Luria regarding the understanding of the origins of language and consciousness] // *Voprosy psikhologii.* 2022. N 2. S. 3–12.
8. *Toynbee A.* Postizhenie istorii [A Study of History]. M.: Progress, 1991.
9. *Filippova G.G.* Evolyutsionnaya zona blizhajshego razvitiya s pozitsii differentsionno-integratsionnogo podkhoda // *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya.* Kn. 2. / Sost. i red. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Znak, 2014. S. 327–342.